

Давид Айзман

Враги

Давид Яковлевич Айзман

Враги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2857775

Аннотация

«Въ конц# февраля шестнадцатил#тній маляръ Мотька бродилъ по окраин# городка, неподалеку отъ л#сныхъ складовъ, и сумрачно думалъ о томъ, что сегодня надо работу найти во что бы то ни стало.

День былъ тусклый, гнилой и мертвый, и если бы художнику вздумалось изобразить разстилавшійся передъ Мотькой пейзажъ, ему пришлось бы употреблять одни только с#рые да черные цв#та. Уродливыя лачужки стояли въ безпорядк#, какъ попало, и ст#ны ихъ, когда-то выб#ленные, немногимъ св#тл#е были полусгнившихъ, разоренныхъ крышъ. Жалкія строенія эти гляд#ли какъ-то особенно хмуро и печально, и, казалось, они въ тупой дремот# грезять устало объ избавительниц#-смерти, о пор#, когда, наконецъ, они рухнутъ, рассыпятся и превратятся въ плотную мусорную кучу...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I	4
II	6
III	10
IV	14
V	16

Давид Яковлевич Айзман

Враги

I

Въ конц# февраля шестнадцатил#тній маляръ Мотька бродилъ по окраин# городка, неподалеку отъ л#сныхъ складовъ, и сумрачно думалъ о томъ, что сегодня надо работу найти во что бы то ни стало.

День былъ тусклый, гнилой и мертвый, и если бы художнику вздумалось изобразить разстилавшійся передъ Мотькой пейзажъ, ему пришлось бы употреблять одни только с#рые да черные цв#га. Уродливыя лачужки стояли въ безпорядк#, какъ попало, и ст#ны ихъ, когда-то выб#ленные, немногимъ св#гл#е были полусгнившихъ, разоренныхъ крышъ. Жалкія строенія эти гляд#ли какъ-то особенно хмуро и печально, и, казалось, они въ тупой дремот# грезять устало объ избавительниц#-смерти, о пор#, когда, наконецъ, они рухнутъ, разсыпятся и превратятся въ плотную мусорную кучу. Въ лачугахъ и подл# нихъ было тихо и мертво, какъ и на старомъ кладбищ#, лежавшемъ по ту сторону огромной замерзшей лужи, какъ и въ сумрачномъ пол#, разстилавшемся позади кладбищенской ограды.

И ч#мъ-то страннымъ и нел#пымъ казался уб#гавшій вглубь поля строй телеграфныхъ столбовъ: кто въ этомъ несчастномъ, подавленномъ кра# станетъ пользоваться телеграфомъ? А тамъ, въ т#хъ сторонахъ, гд# людямъ живется свободно и хорошо, кто заинтересуется зд#шной тоской и умираніемъ?..

Мотька безпокойно поглядывалъ впередъ, и тяжелыя думы – о заработк#, о хл#б# – ни на минуту не оставляли его.

Отецъ Мотьки, музыкантъ Менахемъ, умеръ осенью, и молодой маляръ былъ теперь единственнымъ кормильцемъ семьи, ея защитой и надеждой. Съ озабоченностью, съ угрюмостью стараго, много испытывающаго челов#ка, добывалъ онъ ей пропитаніе. Заработать что-нибудь малярнымъ д#ломъ въ тяжелую зиму этого памятнаго неурожайнаго года нельзя было, – никто въ город# не строился, никакого ремонта не производилось. И другую работу, сколько-нибудь в#рную и продолжительную, также трудно было найти. Каждый заработокъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, по нед#лямъ высл#живался десятками нуждавшихся...

Въ эту мрачную зиму нищета въ город# была неслыханная, и она возростала съ каждымъ днемъ. Люди съ измученными больными лицами, оборванные, почти босые, осаждали с#ни "богачей", робко плакали и причитали, молили подобострастно и униженно, и иногда, выведенные изъ себя, въ остервен#ніи, раздражались истерическими проклятіями и угрозами...

Богачи ходили смущенные, испуганные, теряли голову, не знали, что д#латъ. Больше тысячи б#дняковъ надо было кормить ежедневно, а средствъ не хватало и для двухъ сотъ.

И Мотькина семья голодала тоже. Но время отъ времени молодой маляръ приносилъ двугривенный или полтинникъ, приносилъ хл#бъ или кувшинъ молока, и тогда на окружавшихъ его высохшихъ д#тскихъ личикахъ появлялось выраженіе праздничное, радостное.

– Какъ-нибудь зиму промаемся, а ужъ весной, Богъ дастъ, д#ла пойдутъ лучше, – говорилъ Мотька своей матери Хас#. – Начнутся постройки, будетъ работа... Въ клуб# ремонтъ, въ городской управ#... Я рассчитываю Роз# купить на выплату чулочно-вязальную машину... Это д#ло недурное! Бенюмена, пока что, отдамъ въ талмудь-тору, а для Берчика возьму учителя, въ гимназію готовить...

– Что это ты, Господь съ тобой? – съ тайнымъ умиленіемъ восклицала Хася.

Гимназія для Берчика, шустрого, видимо очень способного десятил#тняго мальчугана, была лучшей мечтой Хаси. И б#дная женщина сладко замирала, когда, закрывая глаза, рисовала себ# своего птенца въ синемъ мундирчик#... Отчего бы Берчику и не учиться? Онъ хуже другихъ, что ли? Не такъ уменъ, не такъ красивъ, какъ другіе? Од#ть его, какъ сл#дуетъ, обмыть хорошенько, подкормить съ м#сяць, другой, – еще получше другихъ будетъ. Прямо – генеральское дитя!

– Непрем#нно въ гимназію! – задумчиво говорилъ Мотька. Пусть будетъ образованный. Учителя возьму, книги стану покупать, за все буду платить... На части разорвусь, носомъ землю пахать стану, а его въ люди выведу! – воспаляясь, добавлялъ онъ.

Увы! свою преданность братишк# и готовность разорваться для него на части Мотьк# пришлось доказать еще задолго до пріисканія работы, – и совс#мъ не покупкой книгъ и не приглашеніемъ учителей...

Берчикъ забол#лъ скарлатиной: надо было его спасать.

Дв# нед#ли Мотька не смыкалъ глазъ, б#гая по докторамъ, по "благод#телямъ", по благотворительнымъ учрежденіямъ... Откуда-то онъ приносилъ и чай, и ромъ, и л#карства, и топливо, и даже ванну гд#-то добылъ... На Хасю нашло тупое отчаяніе. Она ни во что не вм#шивалась, ни въ чемъ не помогала сыну, сид#ла въ холодныхъ с#няхъ и дико водила глазами. А Мотька д#йствовалъ такъ д#ловито, такъ энергично и неутомимо, что, не смотря на ужасныя условія, отстоялъ таки умиравшаго брата. И когда в посл#дствіи Хася очнулась н#сколько и пришла въ себя, она смотр#ла на своего первенца съ тайной робостью, съ безконечнымъ почтеніемъ, – какъ на свышепосланнаго ей хранителя и защитника.

Да и въ собственныхъ своихъ глазахъ Мотька сталъ съ т#хъ поръ выше и важн#е. Онъ понималъ еще ясн#е, какъ необходимъ онъ семь#...

II

– Эге, маляръ, это ты?

Мотька вздрогнулъ и обернулся.

Передъ нимъ стоялъ огромнаго роста человѣкъ въ длинной шубѣ и большой бобровой шапкѣ. Это былъ владѣлецъ пивовареннаго завода, чехъ Кубашъ. Въ прошломъ году, весной, Мотька сумѣлъ такъ ему угодить, что получилъ приглашеніе заходить на пивоварню "каждый разъ" и пить пива "сколько угодно". Но потомъ случилось такъ, что Кубашъ заподозрилъ Мотьку въ кражѣ у дворника Анисима трехъ рублей и жестоко его избилъ. И оттого, завидувъ теперь обидчика, Мотька затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и въ ужасѣ сталъ пятиться назадъ.

– Слушай, – продолжалъ чехъ, стараясь изобразить на своемъ гладкомъ, бритомъ, съ короткими сѣдоватыми бачками лицѣ ласковую улыбку. – Ты, маляръ, тово... Обидѣлъ я тебя, понапрасну обидѣлъ... Деньги-то рыжій Митричъ укралъ, пыльщикъ... Потомъ все въ точности раскрылось...

– Ага! – издали вскричалъ Мотька, и глаза его торжествующе засверкали.

– Анисимъ, дуракъ, зналъ, кто укралъ, да молчалъ... выдавать не хотѣлъ... А потомъ... когда... ну, вотъ когда съ тобой это вышло, пришелъ и рассказалъ... Ну, ты ужъ тово... Ты маляръ хорошій, я знаю. Лѣтомъ буду строить флигель, непременно тебѣ работу дамъ, непременно.

– Я-жъ вамъ божился, что я не воръ!

– Ну, что ужъ... кто тебя зналъ... Дѣло прошлое, не вернешь... Жалю, а не вернешь...

А теперь тебѣ работы не надо?

Мотька молчалъ и хмуро поглядывалъ на чеха.

– У меня на пивоварнѣ ледники набиваютъ; ступай, если хочешь, на рѣчку ледъ колоть.

Мотька продолжалъ молчать. Брать работу у обидчика было тяжело...

– Сорокъ копѣекъ въ день.

Кубашъ распахнулъ шубу, досталъ большіе стальные часы и, поглядѣвъ на нихъ, добавилъ:

– Теперь двѣнадцатый часъ; ну, это ничего, я тебѣ зачту за день... Работы на недѣлю хватить.

Мотька стоялъ въ отдаленіи и нерешительно озирался.

– Да ужъ ступай, чего тамъ, – настаивалъ Кубашъ. – Знаешь, въ Лозахъ, позади мостковъ. Тамъ ужъ увидишь: люди работаютъ... Скажешь, я прислалъ... Ступай, ничего...

– Хорошо, я пойду, – хриплымъ голосомъ, черезъ силу, пробормоталъ Мотька.

И, поклонившись Кубашу, онъ скорымъ шагомъ сталъ перерезывать поле.

Вѣтеръ дулъ съ юга, сырой и рѣзкій. Морозъ упалъ совсѣмъ, верхушки кочекъ слегка оттаяли, и идти было трудно: нога скользила и то и дѣло попадала въ рытвины. Мотька шагалъ межой и смотрѣлъ впередъ себя, гдѣ, верстахъ въ двухъ, за буроватой полосой сухого и мертваго камыша, прятались кривыя извивы широкой рѣки. По черной и крутой дорогѣ, подлѣ телеграфныхъ столбовъ, медленно тащились нагруженные льдомъ подводы. Лошади были измученныя, жалкія, и карабкались онѣ съ великимъ трудомъ, вытягивая впередъ свои несчастныя головы, уродливо выгибая спины и выдыхая цѣлыя тучи сѣраго, мутнаго пара. Временами, окончательно выбившись изъ силъ, онѣ останавливались, и тогда извозчики принимались ихъ бить ногами и кнутовищемъ, въ животъ и по головѣ, и оглашали угрюмую пустоту дикимъ и мучительнымъ крикомъ...

– Ничего не подлаешь, – думалъ Мотька, приближаясь къ камышамъ. – Надо смириться, работать на Кубаша. Онъ все-таки хорошій человѣкъ. Другой обидитъ и никогда не признается, что сдѣлалъ это понапрасну. Вотъ, напримѣръ, мусю Цыпоркесь: тотъ еще

пожаловался бы в часть и кричал бы по всему городу, что я его обокрал. А Кубашь вот сегодня за целый день заплатит... сорок копеек... Ну, и славу Богу! Работы, говорить, на неделю будет. Что-ж, это деньги: заплачу за квартиру и еще поль-мшка картошки куплю... Дети совсем изголодались... Таки спасибо Кубашу, ей-Богу, спасибо...

И, насвистывая от удовольствия, Мотья стал спускаться к камышам.

Рка, сажень полтора в ширину, вся сплошь затянута была бесоватой ледяной корой. Только в самой середине тянулось большое прямоугольное темное пятно. В этом месте ледь был уже сколот, и вода, сдавленная с четырех сторон, ходила в полынь мелкой рябью, сумрачная и сердитая. Она упорно билась о свою крепкую раму и неустанно рокотала, злое и многозначительно... Ближе к противоположному берегу, покату и заросшему чахлым лозняком, стоял ряд черных, ветхих барж, а несколько вправо от лозняка тянулись огороды, и среди них острым горбом черная одинокая землянка. Все в этом месте было уныло, бедно и пусто, и на много верст вокруг не видно было живого существа. Только посреди реки, неподалеку от темной проруби, стояли три человека и вяло постукивали ломом по льду.

Одного из них Мотья узнал еще издали. Это был дворник Анисим, необыкновенно смиренное, безсловесное создание, – тот самый дворник Анисим, у которого украден был кисет с тремя рублями. Теперь на Анисиме были бурья валенки и облезлая баранья шапка с наушниками. Двух товарищей его Мотья тоже, как будто, встречал. У одного была густая желтая борода и такие же желтые всклокоченные волосы. Он был невысоким ростом, но широким в плечах, крепким и, видимо, очень силен. Но лицо было одутловатое, желто-серое, как у человека с очень больной печенью. Одета он был в какую-то женскую клетчатую фуфайку, перехваченную в поясе синим платком, и в свистящий котелок с обломанными полями. Лето ему можно было дать около сорока. В человеке этом Мотья скоро узнал "рыбаго Митрича", – того самого, который украл у Анисима деньги, и за проступок которого молодой маляр так жестоко поплатился.

Под Митрича толкся щедрый, сенький старичок, в безмерно широком, рваном армяке и в лаптях.

Ты, Ягорь, ты Ягорь, ты Ягорушка,
Золотая, золотая ты головушка... —

весело и быстро плясал он, приплясывая и постукивая себя небольшими кулачками по голове...

– Бог в помощь, землячки! – крикнул Мотья, приближаясь.

– Здорово! – Егорушка перестал плясать и дружелюбно уставился на Мотью. – Здравствуй, малец!.. Прогуляться вышел? По бульвару пройтись?

– Пособлять пришел... Меня к вам Кубашь в товарищи прислал.

– Вот лихой!

Егорушка хлопнул себя по бедрам и радостно взвизгнул.

– В товарищи? Вот это, братуха, в аккурат выходит, под кадрель... Нас тут всего трое, танцовать-то и неспособно... Бери, братуха, лом, да и становись сюда... Митрич, слышал? – обратился он к желто-бородому: – вот кумпаньон к нам пришел.

Митрич медленно отвел в сторону лом и сумрачно посмотрел на Мотью.

– Кумпаньон? – тусклым, простуженным басом прохрипел он. – Какой он мн кумпаньон, иродово смя?

Брови у Егорушки вдруг вздернулись кверху, глаза расширились и округлились. С самым наивным непониманием оглядел он Митрича, потом Мотью, потом снова Митрича...

– Ты чего это так? – не то съ любопытствомъ, не то съ безпокойствомъ воскликнулъ онъ. – Ну, чего ты, га? Ну, зач#мъ?

– А вотъ зат#мъ, – отрубилъ Митричъ. – "Канпаньонъ"!.. Пархъ, а не канпаньонъ.

Въ голос# его слышалась глубокая ненависть и презр#ніе, а но выраженію глазъ и по движенію фигуры было видно, что онъ не прочь бы дать новому компаньону по затылку. Мотька растерянно посмотр#ль на этого кр#пкаго, сильнаго челов#ка – и посп#шно отошелъ къ Егорушк#...

– Экій ты, Митричъ, га! – съ веселой и вм#ст# тревожной ласковостью заговорилъ старикъ. – Лиход#й в#дъ ты, га?.. Ей, право, лиход#й!.. Ну, чего серчаешь? Чего къ мальчонк# присталь?

– Сволочь онъ! – зарычалъ Митричъ, и глаза его злобно сверкнули подъ нависшими желтыми бровями. – Зач#мъ сюда прил#зъ, жидюга проклятый?

– Я къ вамъ не л#зу... я васъ не трогаю, – заговорилъ изъ-за спины Егорушки Мотька. И голосъ его, вообще тонкій и слабый, звучалъ теперь, какъ у десятил#тняго мальчика. – Я вамъ не м#шаю... Меня прислалъ господинъ Кубашъ.

– Ну, вотъ что, – торопливо подхватилъ Егорушка, и маленькое, бурое лицо его озарилось д#тски-радостной улыбкой. – Прислали тебя работать – ты и работай. Работай себ#, знай, и не разговаривай. Экій ты какой!.. Не понимаешь д#ла... Когда тебя прислали, такъ ты, стало быть, исполняй... А ты разговаривать. Тутъ, братъ, разговору не надо, тутъ серьезно надо...

Личико Егорушки сд#лалось вдругъ д#ловитымъ и важнымъ.

– Потому ледъ это... Его колоть надо. Ну и... и все... Ступай, братуха, на тотъ берегъ, къ огороднику, бери ломъ и валяй... Нечего тутъ...

– Ахъ ты, египетскій! – съ сердцемъ проворчалъ Митричъ, принимаясь снова за работу. – Приползъ, нечистая сила! Онъ теб# всюду вползеть!

– Вползеть, это правильно, – примирительно согласился Егорушка.

– Сейчасъ тутъ р#ка, поле, степь – чисто, свободно... А приперъ вотъ этакій – Симъ, Хамъ и Яфеть, все сразу и прокоптить!

– "Прокоптить"! – подхватилъ Егорушка и отъ удовольствія топнулъ лаптемъ. – Это в#рно, что прокоптить. Ей право! Вишь сказалъ! А?! Прокоптить! Ахъ, лиход#й!

– Племя нечистое.

– О? Нечистое?

– Хуже нечистаго: Иуды, кровососы ана#емскіе...

Егорушка посмотр#ль на Мотьку.

– Эхъ, мальчонка, – сочувственно прокряхт#ль онъ, – видишь ты! Вотъ д#ла-то... Д#ла-то, говорю, вотъ какія. А ты ступай, пока что, за ломомъ, ступай, братуха, нечего тутъ.

Мотька обвелъ испуганнымъ взглядомъ и своего врага, и своего защитника, и сохранявшаго все время полное безмолвіе Анисима, и потомъ тихонько, осторожно ступая, поплелся на льду на другой берегъ, гд# въ круглой землянк# хранились нужныя для колки льда принадлежности.

– И чего отъ меня хочеть этотъ разбойникъ, – думалъ онъ, – что я ему сд#лалъ? Такая ужъ наша еврейская доля.

И Мотька сталъ думать о томъ, что его пресл#довали всю жизнь. Вотъ на эту самую р#ку приб#галь онъ купаться въ д#тств#, и русскіе мальчишки жестоко били его и не впускали въ воду... Когда онъ, выкупавшись, выходилъ изъ воды, они швыряли въ него пескомъ и грязью, и онъ вынужденъ бывалъ снова л#зть въ р#ку. Мальчишки швыряли опять и опять, въ теченіе получаса и больше, и онъ весь син#ль отъ холода, кочен#ль и трясся; а мальчишки над#вались надъ нимъ и хохотали, завязывали въ тугіе "сухари" рукава его рубахи и смачивали ихъ въ р#к#, чтобы сд#лать еще бол#е труднымъ распутываніе узловъ... Плавалъ

Мотька неум#ло. Онъ безпорядочно и неловко ударяль по вод# сжатыми кулаками, и товарищи говорили, что онъ "м#ситъ булки". И этимъ неум#нъемъ его русскіе мальчики тоже пользовались и часто "топили" его, пригибая къ р#чному дну... Постоянныя пресл#дованія, постоянная мука!.. Когда, четыре м#сяца назадъ, отца Мотьки на черныхъ носилкахъ несли на кладбище, какой-то извозчикъ кричалъ во всю глотку: "Жидъ сдохъ, Хайка осталась. Ступай, Хайка, въ казарму, солдатъ вкусн#е жиды"... А прохожіе поощрительно см#ялись...

III

Мотыка вернулся къ м#сту, гд# кололи ледь, и, устроившись подл# Егорушки, принялся за работу.

– Гепь, гепь, гепь! – передразнивалъ его Митричь, суетливо и неуклюже раскачиваясь вс#мь т#ломь. – Гепь... дохлая морда...

– Ты, мальчонка, не такъ, – училъ Мотыку Егорушка:– гляди-ко сюда, сюда гляди! Ты вотъ какъ: прямо ломь подымай, да внизъ яво и бухай!.. Да ты не сп#ши, не сп#ши... Гляди-ко суды, вотъ: расссь!.. расссь!..

– Ахъ, вей! – кричалъ Митричь, хватаясь за воображаемые пейсы. – А ловко тебя Кубашъ отколотилъ, да, видно, мало. Небось, опять деньги станешь красть... Жиды на это д#ло мастера здоровые!

При этихъ словахъ, сосредоточенный Анисимъ прервалъ работу и вытаращилъ глаза. Минуты дв# смотр#ль онъ на Мигрича пристально, напряженно, словно соображая что-то... Потомъ, не проронивъ ни слова, слегка отвернулся и опять сталъ д#йствовать ломомъ.

– Кербеле, копекесь, – продолжалъ Митричь, – три рубля у челов#ка уперъ, а потомъ – "зачиво нападеніе"!..

Мотыка молчалъ и д#лалъ видъ, будто ничего не слышитъ. Егорушка добродушно балагурилъ и всячески старался отвести вниманіе и краснор#чіе Митрича къ другимъ предметамъ. Д#лалъ онъ это, однако же, съ большой осторожностью, видимо побаиваясь своего желтобородаго товарища и заискивая въ немъ. Онъ громко см#ялся его остротамъ, иногда и повторялъ ихъ, съ восхищеніемъ, не всегда, впрочемъ, свободнымъ отъ притворства, причмокивалъ губами и притопывалъ лаптемъ.

– Жидовская нация – самая подлющая! – докладывалъ Митричь.

И мысль эту онъ развивалъ подробно и обстоятельно. Онъ былъ, видно, грамотенъ; тупыя челов#ко-ненавистническія фразы изъ уличныхъ газетокъ перем#шивались съ темнымъ бредомъ нев#жественнаго, одичалаго челов#ка, и получалось что-то такое бессмысленно-злое, гнетущее и тревожное, что наивная душа Егорушки и смущалась, и хмурилась... Егорушка любилъ веселье, любилъ побалагурить, посм#яться и поп#ть, а Митричь преподносилъ ему мрачныя разсужденія о зловредности и гнусности жидовъ. И Егорушк# было неспокойно, тяжело и неприятно, онъ жал#ль "страдающаго изъ-за жидовъ" православнаго челов#ка, и ему хот#лось бы его отъ жидовъ оборонить и за него отомстить, но въ то же время ему какъ-то жаль было и жида, т#мъ бол#е жаль, что въ длинныхъ разсужденіяхъ Митрича б#дной голов# его смутно чуялось что-то нескладное, неправильное и "неподходящее"...

– Э-и-эхъ! – какъ-то неопред#ленно, со странной печалью, кряхт#ль онъ, когда Митричь толковалъ ему объ употребленіи евреями христіанской крови. Онъ косился на Мотыку, бросалъ недовольные, но робкіе взгляды на Митрича и какъ-то особенно гулко и часто стучалъ своимъ ломомъ объ ледь. Печаль и досада переполняли его сердце...

Но когда Митричь переходилъ къ передразниванію евреевъ, къ куплетамъ врод#

А жа ними вбокъ
Молодой жидокъ, —

онъ вдругъ весел#ль и прояснялся. Онъ даже принимался подтягивать Митричу и, бросая время отъ времени дружеское и ободряющее слово безмолвно работавшему Мотык#, крякалъ радостно и весело, какъ утка, въ знойный день попавшая въ ручей.

Мотыка ни единымъ словомъ не отзывался на вс# эти глумленія.

Сердце его ныло и дрожало, злоба закипала въ немъ. Кр#пко стискивались зубы, и минутами душила потребность броситься на обидчика и избить его... Но Мотька былъ такъ тщедушень и слабъ... и съ утра ничего не #ль... и дома его заработка ожидали голодные д#ги...

– Онъ, кажется, никогда не перестанеть, – въ тоск# говорилъ себ# Мотька.

А Митричь, д#йствительно, не выказываль нам#ренія перестать.

При#хали извозчики, стали нагружать на тел#ги ледъ, и произошелъ короткй перерывъ. Но вотъ тел#ги, скрипя и раскачиваась, у#хали, и Митричь опять принялся за свое... Его, видимо, б#сило, что Мотька отмалчивается, и онъ становился все бол#е и бол#е злымъ. Уже онъ не передразниваль евреевъ и не п#ль обидныхъ куплетовъ, – обидныхъ, но все же, большей частью, добродушныхъ, – а свир#по ругался и временами угрожалъ...

– Ну, что д#лать, что д#лать? – мысленно стональ Мотька. – Когда Богъ уже благословиль и работа нашлась, такъ вотъ теб#, такой извергъ случился... И завтра опять это же самое будетъ, и посл# завтра то же...

– А чтобъ онъ пропаль! – отъ всего сердца взмолился онъ.

– Австріякъ, тотъ, братцы мои, самымъ лучшимъ манеромъ съ жидами со своими справился, – объявилъ Митричь. – Взяль да вс#хъ на мерзлый островъ въ Ледовитый океанъ и посадилъ.

– Ахъ, лиход#й! – одобрилъ Егорушка. И, желая перем#нить тему разговора, политично спросиль:– А какая у австріяка форма? Амуниция, значить, какая у яво будетъ, амуниция?

– Не хотимъ, говорить, жидовскаго духа – и шабашъ. Ступай на ледяной островъ... Ни солнца тамъ, ни дерева, ни травки, ни огня, – ничего не видать! Ледъ да б#лые медв#ди. Молись себ# своему жидовскому Богу!

– Богъ-то одинъ, – задумчиво произнесъ Егорушка.

– Богъ одинъ, да в#ра разная.

Егорушка помолчалъ.

– Ну, а тово... а у#хать отгеда, съ острова, разв# нельзя? – заинтересовался вдругъ Анисимъ.

– У-у-у#хать?... Хо-хо-хо... Онъ те у#деть!

Выцв#тшіе глаза Митрича злорадно заб#гали.

– А миноноски на что? Кругъ острова шестнадцать штукъ миноносокъ стоитъ, караулятъ, чуть кто съ м#ста тронулся – сейчасъ стопъ! Тутъ ему и крышка... Половина жидовъ на острову уже передохла... а доктора рассчитали, что черезъ семь годовъ ни слуху, ни духу отъ нихъ не останется.

В#теръ дуль теперъ сильн#е, м#няль направленіе и становился суше. Онъ обжигаль Мотьк# лицо, упорно разворачиваль полы его куртки и билъ его по тонкимъ, од#тымъ въ парусиновые штаны, подогнувшимся ногамъ. Даже усиленные д#йствія ломомъ не могли поб#дить холода и не въ состояніи были сообщить гибкость кочен#вшему т#лу. Мотька весь дрожаль. Жестокія слова Митрича мучили его, – точно въ уши и въ сердце ему заколачивали длинные гвозди... Онъ бросаль косые взгляды на Митрича, на его толстый, покрытый растрепанными, желтыми волосами затылокъ и кр#пко стискиваль зубы. Онъ дрожаль уже не отъ одного холода: негодованіе и ненависть вызывали въ немъ частое и мучительное трепетаніе.

– И плодущіе же, сволочи! – продолжалъ Митричь. – Не надо и сусликовъ. Вотъ, прим#рно, этотъ самый пархъ, что сюда приперъ: ты думаешь, онъ у своего батьки одинъ? Чорта съ два! Сходи-ка къ нему домой, – небось, тамъ ихъ дюжина ц#лая. А то и дв#...

– Это какъ Господь, – сумрачно нахмурившись, поясниль Егорушка. – Господу народъ надобенъ...

– "Надобень" ... Понимаешь ты!.. А вот кабы я надъ жидами главный командиръ былъ, выпустилъ бы я такой указъ, чтобы маленькихъ жиденятъ за ноги да обь ст#нку. Хопъ – и н#ту! Хопъ – и н#ту!.. Вотъ и къ этому бы халдею заглянулъ, – счетъ бы имъ тамъ подвель правильный...

"Извергъ, кать!" – тихо шепталъ Мотька. И при этомъ самъ становился злымъ и жестокимъ. Онъ представлялъ себ#, съ какимъ удовольствіемъ онъ ударилъ бы изо всей силы Митрича по лицу... Разъ ударилъ бы, и два раза, и три раза... Билъ бы, пока не хлынула бы кровь, пока не очочен#ль бы этотъ мерзкій и злой языкъ...

И уже не было радости въ его душ#, не было въ ней и безц#льной жалобы, а все выше и выше поднималась жажда мести и кр#пла потребность расплаты. Ноздри у Мотьки яростно раздувались, глаза гор#ли, и щеки дергались въ мелкой и непрестанной судорог#...

Митричъ, сосредоточенно возясь, шагахъ въ сорока, съ огромной льдиной, прервалъ на время свои приставанія къ Мотьк# и вс# ругательства адресовалъ къ непокорявшейся тяжелой глыб#. И Мотьк# это было неприятно. Теперь ему изд#вательства Митрича были нужны. Они были ему нужны для того, чтобы довершить происходившую въ немъ работу, чтобы довести злобу до ярости, до безумства и швырнуть его – тщедушнаго, голоднаго, измученнаго мальчика – на этого тяжелаго, костистаго и грязнаго здоровяка... Все въ немъ кип#ло и бурлило, хотя и не въ такой еще степени, чтобы расправу начать сейчасъ же. Нужно было новое раздраженіе, необходима была еще новая, посл#дняя обида, чтобы голосъ разума и подлаго расчета замеръ окончательно, чтобы сердце загор#лось со вс#хъ сторонъ.

Митричъ поб#дилъ, наконецъ, свою льдину. Посл#днимъ усиліемъ онъ приподнял ея край, подсунулъ подъ него ломъ и выпихнулъ тяжелую глыбу наверхъ.

– Тьфу, бей тебя сила Божія! – проворчалъ онъ, оставивъ прочь ломъ и ту же стягивая служившій ему поясомъ синій вязаный платокъ. – Заморился, прямо б#да!.. А ты, послушай-ка, какъ тебя тамъ, свиное ухо? Дай-ка табачку!..

Въ глазахъ Мотьки молніей сверкнула какая-то дикая улыбка. Ломъ выпалъ изъ его рукъ, весь онъ мгновенно выпрямился.

– Холеру я теб# дамъ, прохвость!

Слова эти прозвучали р#зко, отчетливо и звонко, – точно тяжелымъ молотомъ ударили въ тонкую серебряную доску. Митричъ удивленно поднялъ голову.

– Чего?

– Прохвость!.. Мучитель!!.. Извергъ!.. – истерически кричалъ Мотька:– За что ты меня мучишь?.. Да я теб-б-б-б-б, кровопійцу... уб-б-б-б-бю!

И, поднявъ кверху длинныя, худыя руки, онъ ринулся впередъ.

На одно мгновеніе, вс#хъ – и Митрича, и Анисима, и Егорушку – охватило полное оц#пен#ніе.

То, что происходило передъ ними, было такъ странно, такъ неожиданно и нев#роятно, что они не могли в#рить глазамъ. Ошеломленные, они не проронили ни звука. И тяжелую, сумрачную тишину, царившую надъ скованной р#кой, надъ мертвымъ слоемъ камышей и надъ пустыннымъ, мерзлымъ берегомъ, раздиралъ лишь пронзительный, дикій вопль Мотьки. Словъ Мотька не произносили никакихъ, и то, что вылетало изъ его груди, было лишь бессмысленнымъ, ровнымъ и р#жущимъ ревомъ раненаго на смерть, уже изнемогающаго, истекающаго кровью, но сильнаго яростью и б#шенствомъ животнаго. Животное это несло впередъ, къ тому, кто его ранилъ, несло зат#мъ, чтобы быть раненымъ вторично, еще ужасн#е, – но и зат#мъ также, чтобы отомстить и въ посл#днемъ предсмертномъ усиліи уничтожить растерзать убійцу-врага!

– Лиход#й!.. Ахъ, лиход#й!.. – завизжалъ вдругъ Егорушка. И, подб#жавъ къ Митричу, онъ обхватилъ его руками. Широкимъ армякомъ своимъ онъ прикрылъ Митрича всего – и этимъ, повидимому, рассчитывалъ оградить его отъ нападенія Мотьки и предотвратить б#ду.

Однако же, катастрофу предупредил не онъ, а Анисимъ.

Безмолвный дворникъ проворно подскочилъ къ Мотьк#, схватилъ его за шиворотъ, приподнял на поль-аршина надо льдомъ и, не проронивъ ни слова, какъ котенка, понесъ въ сторону.

– Пусти! – захлебываясь, рычалъ Мотька:– Пусти, сволочь!

Онъ бился и извивался вс#мъ т#ломъ и стучалъ кулаками и ногами по Анисиму, куда попало. Но дворникъ держалъ его кр#пко. Онъ какъ-то такъ ловко обнялъ своего пл#нника, что сковалъ ему и руки, и ноги, и тотъ могъ теперь вздрагивать и колыхаться однимъ только туловищемъ.

Оттащивъ Мотьку сажень на двадцать, онъ опустилъ его за ледъ и, ставъ впереди, какъ пугало на огород#, горизонтально раздвинулъ руки.

– Стой тутъ! – вяло проговорилъ онъ. – Стой... стой, а то буду бить...

Мотька мутными, непонимающими глазами гляд#ль на Аеисима, на стоявшихъ впереди Митрича и Егорушку... Куртка его разстегнулась; л#вая пола, въ борьб# съ Анисимомъ, распоролась до самаго рукава, и в#теръ рвалъ ее и трепалъ, какъ флагъ. Анисимъ, продолжая держать правую руку въ горизонтальномъ положеніи, л#вой добылъ изъ кармана трубку. Устроивъ трубку во рту, онъ опустилъ и другую руку и, орудуя уже об#ими, сталъ застегивать Мотькину куртку. Мотька безучастно смотр#ль на д#йствія дворника и верт#ль головой то вправо, то влево. Онъ точно не сознавалъ того, что случилось, и точно искалъ чего-то...

– Скажешь мамк#,- бормоталъ Анисимъ, подергивая оторванную полу, – мамка зашьетъ...

И вдругъ Мотька вздрогнулъ, какъ-то странно ахнулъ, и слезы обильно полились по его озябшимъ щекамъ.

А Егорушка, между т#мъ, схватилъ за об# руки Митрича, подпрыгивалъ, семенилъ ногами и, взволнованно заглядывая пріятелю въ лицо, таинственно и внушительно шепталъ:

– Не обижай, не обижай, Митричъ, мальчонку!.. Что будешь д#лать?.. Жиденокъ онъ, жидъ... а нельзя... нельзя обижать...

Онъ хлопалъ себя руками по бедрамъ, вздрагивалъ плечиками и удивленно озирался.

– Вишь, д#ла какія, а?.. В#дь лиход#и вы, а? Ей-право, лиход#и, ей-право... А обижать нельзя... не надо...

Митричъ молчалъ.

Отвернувшись отъ того м#ста, гд# находились Анисимъ и Мотька, онъ сурово смотр#ль себ# подъ ноги и дышалъ часто и тяжело. Онъ стоялъ неподвижно, какъ и его воткнутый между двумя льдинами ломъ, и лицо его было желто, а глаза тусклы и прищурены. Что происходило въ этомъ человк#? Все ли еще сковывало его огромное изумленіе? Или его душило оскорбленное самолюбіе? Или зашевелилась въ немъ сов#сть – онъ созналъ свою вину, и ему было стыдно этого горестно трепетавшаго надъ мерзлой равниной, беспомощнаго д#тскаго плача?..

Митричъ молчалъ. Ротъ его перекосялся, желтые усы и борода тихо вздрагивали.

И то, что преобладало въ этой темной, огруб#лой душ#, вылилось, наконецъ, въ хрипломъ, полномъ жел#зной ув#ренности возглас#:

– Постой, Иуда! Я еще съ тобою расправлюсь... Не я буду – не утоплю!..

IV

Минуть через десять все надъ р#кой затихло и примолкло, и вс# четверо опять взялись за работу. Работали хмуро, нехотя, не думая о д#л#. Мысли были о другомъ, – о томъ, что только что произошло, о томъ, ч#мъ случившееся должно завершиться, и настроеніе у вс#хъ было темное, тревожное, выжидающее.

Больной и тусклый день, между т#мъ, кончался. Холодные, грязно-свинцовые тона сгущались, заполняли унылую глубину и какъ бы надвигали ее на берега. И глубина эта не была плотной и непроницаемой, какъ въ позднія сумерки, а дрожала полупрозрачная и легкая, и напряженный глазъ могъ еще различать въ ней какія-то неясныя очертанія. Неясность и смутность, вм#ст# съ царившимъ вокругъ н#мымъ безмолвіемъ, заключали въ себ# что-то жуткое, что-то безпокойное и злое, и томило неотступное желаніе, чтобы поскор#е уже спустилась ночная чернота и похоронила вс# эти в#роломныя и мрачныя т#ни.

Митричь стоялъ спиной къ Мотык#, тупо глядя на собственный ломъ, и размышлялъ. Онъ далъ торжественное об#щаніе, взялъ на себя обязательство, а легкое ли д#ло его выполнить? Тоже в#дь и за жиденка, будь онъ трижды проклять, отв#тъ давать надо...

Митричь злобно плюнулъ.

– А и конфуза отъ парха принять нельзя тоже, – продолжалъ онъ свои размышленія. – "Кровопійца... я тебя убью..." ахъ, идоль!.. Ну, что ты ему скажешь!.. Кабы гд# мелкое м#сто, можно бы его, чорта, столкнуть. Пусть свое жидовское пузо пополощетъ... Да вотъ н#ту такого, везд# примерзло... А въ полынью бухнуть – глубоко очень, потонетъ. Что тогда будешь д#лать?..

– Ты Ягоръ, ты Ягоръ, ты Ягорушка, – вполголоса началъ было Егорушка. Но Анисимъ, вынувъ изо рта трубку, молча подержалъ ее въ рук# и снова вложилъ межъ зубами. И Егорушка мгновенно прервалъ свое п#ніе, тяжело завздыхалъ и сталъ оттаскивать въ сторону льдины...

А у Мотыки къ этому времени все его возбужденіе прошло. Не было и т#ни безстрашія въ душ#, не было и намека на отвагу. Онъ чувствовалъ себя въ опасности, чувствовалъ себя пришибленнымъ, несчастнымъ, беспомощнымъ. Что будетъ? В#дь этотъ ужасный челов#къ не проститъ. В#дь благополучно д#ло не кончится. Если бы не было такой великой нужды въ заработк#, Мотыка бросилъ бы работу и ушелъ. Но теперь какъ же ее бросить? Другой в#дь не найдется. А тутъ работы на ц#лую нед#лю... И потомъ, в#дь отъ этого разъяренного, жестокаго челов#ка, все равно, не спрячешься: не зд#сь – въ другомъ м#ст#, а ужъ онъ отомститъ!

Длинный прямоугольникъ, освобожденный отъ ледяной коры, черн#ль, какъ огромная могила, и вода въ немъ, встревоженная в#громъ, подкатывалась къ самымъ ногамъ Мотыки съ глухимъ, угрожающимъ рокотомъ... И Мотык# страшно было смотр#ть на эту живую, грозную черноту, а еще страшн#е было оглянуться назадъ, гд# стоялъ Митричь. Ему все чудилось, что ужасный челов#къ этотъ крадется къ нему... Вотъ онъ подошелъ... совс#мъ близко... Слышно шлепанье его ногъ, слышно звяканье объ ледъ лома... Онъ злобно и сипло рычить, бьетъ Мотыку ломомъ прямо по голов#, и сталкиваетъ въ воду, и топить его...

Что будетъ? Что будетъ? Какъ оставаться въ сос#дств# съ этимъ лютымъ челов#комъ? О, если бы съ нимъ что-нибудь случилось! Если бы онъ вдругъ забол#ль... умеръ... Что-жъ, в#дь бываетъ иногда, что челов#къ умираетъ вдругъ, сразу... Или если бы его убило... Вотъ, когда нагружали подводу, большая льдина сползла съ самага верха и ушибла Анисиму ногу. Если бы льдина упала не на Анисима, а на Митрича, и упала бы не на ногу, а на голову, смерть была бы в#рная... О, если бы его убило...

Мотыка въ этотъ день не #ль съ утра; отъ непривычной и непосильной работы ломило ему вс# кости; холодъ сковывалъ члены. И страданія физическія, соединяясь съ мукой душевной, доводили его до полубезсознательнаго состоянія; въ темномъ, кочен#вшемъ мозгу мысль тускн#ла и замирала, и только временами вспыхивала все одна и та же неизм#нная мольба: "о, если бы его убило!.."

V

Ночь приближалась. Пустынная даль исчезала в тяжелом сумраке, и уже трудно было отличить, где кончается ледяная река и начинается берег, а черная землянка огородника почти совсем слилась с темным фоном покатых баштанов. Далеко далеко, у длинных и уже незамеченных мостков, где зимовал потерпевший осенью крушение пароходик, зажегся фонарь, и от этой желтой лучистой точки здесь на льду, где работали иззябшие, голодные, усталые люди, все вдруг сделалось еще более тоскливым, еще более недружелюбным и несчастным.

– Ребятюшки, милые, пора кончать! – закричал Егорушка. – Ай не пора? Пора! Ей-право, пора! Тащи инструмент к огороднику, волоки!..

Ты Ягорь, ты Ягорь, ты Ягорушка,
Золотая, золотая ты головушка! —

запел он, вскидывая на плечо лом.

– Пойдем, братцы, к огороднику, выпьем по косушке, по косушечке, по подружечке... Пойдем, лиходивы, пойдем... Эх, дива! Назябся я, страх как, во как назябся я, ей-право!..

Мотыка стояла в стороне, а втерь бил ее и рвала, и снег, который начал идти, садился к нему на голову и на сгорбленную спину.

Слова Егорушки до него не долетели, и он не знал, что можно уже кончать, что надо отнести инструмент к огороднику. Он стоял, не двигаясь, глядя вперед и ни о чем не думая, в каком-то забытьи...

Очнувшись только тогда, когда впереди, шагах в пятидесяти, показалась вдруг широкая, плотная фигура Митрича.

Желтобородый человек шел прямо на Мотыку, шел спокойно, не торопясь, заложив одну руку за синий платок, а в другой держа на перевес тяжелый, длинный лом...

– Ой!.. Это он ко мне... убивать... топить... – огненными языками промчалось в мозг Мотыки. И быстро пролетела у него мысль о матери, о детях.

– Люди!.. Анисим!.. Егорушка!..

Но вопля его никто не слышал... ибо вопля никакого и не было: окаменевшие уста Мотыки были плотно сомкнуты, а кричало одно только охваченное ужасом сердце...

Анисим с Егорушкой, ничего не подозревая, неторопливо шли по берегу, подымаясь к землянке огородника. И к той же землянке направлялся Митрич, но вместо того, чтобы огибать узкую, длинную, примыкавшую к черной проруби полосу недавно образовавшегося тонкого и непрочного льда, он, для сокращения пути, шел прямо через эту полосу... И стоявшему у темной и глубокой проруби на смерть испуганному, оцепеневшему Мотыке показалось, что враг его идет к нему...

Мотыка весь скрючился, согнулся, левой рукой стянул на груди куртку, правую поднял вверх, как бы для защиты, щиты.

Прошло мгновение, другое...

И вдруг случилось нечто странное, что-то такое, чего Мотыка не сумела сразу понять.

Того, кто на него шел, от которого он ждал муки и смерти, – вдруг не стало.

Раздался резкий, сухой треск, затем – какое-то странное хлопанье... и хриплый крик, и стон, и опять хлопанье...

И ц#лая вереница необычайных, непонятных и страшных звуков забила и затрепетала надь безмолвной равниной: взлетали вверх фонтаны брызг и мелких кусков льда, и меж ними странно и быстро ворочалось что-то широкое, черное...

Поднятая кверху рука Мотьки упала, застывшее лицо прогнуло.

– Провалился!.. Тонет!..

Точно кто-то ударил его сзади, по темени и по затылку.

– Тонет!.. Спасите!..

И вдруг Мотька рванулся и поб#жалъ.

Окочен#лыми, неразгибающимися ногами мчался онъ впередъ, противъ в#тра, скользя и шатаясь... Вотъ уже несется онъ по длинной полос# темного, неокр#пшаго, всего два дня назадъ образовавшагося льда. Ледъ этотъ трещалъ и гнулся, какъ тонкая пароходная сходня, и вода подъ нимъ хлюпала и билась, и м#стами, сквозь трещины, проступала на верхъ и тихо разливалась широкими, темными пятнами...

– Держись, держись! – какимъ-то страннымъ, не своимъ, а совершенно новымъ, см#лымъ, звонкимъ голосомъ кричалъ Мотька, напряженно глядя впередъ, на то м#сто, гд# барахтался Митричъ. – Я помогу!.. Держись!..

Но тонкая ледяная скатерть вдругъ злобно заскрежетала подъ нимъ, и л#вая нога его провалилась. Онъ сильно дернулъ ногой. Сапогъ, задержанный льдомъ, остался въ вод#, и Мотька, босой, помчался дальше.

А впереди фонтаны брызгъ уже не вздымались, и не лет#ли больше кверху обломки льда. Мелькалъ только среди черной воды и с#рыхъ льдинъ широкій синій поясъ утопавшаго, и чуть св#тл#ла его крупная, обросшая желтыми волосами голова. Слышно было тяжелое плесканіе, и, не сливаясь съ нимъ, со страшной отчетливостью бился прерывистый, молящій стонъ:– Православные... голубчики... спасите...

– Держись, не бойся! – кричалъ Мотька, подб#гая къ самому краю льда. – На!.. Хватай... держись кр#пко!..

Онъ быстро сорвалъ съ себя куртку, ухватилъ ее за рукавъ и, взмахнувъ высоко надъ головой, швырнулъ на воду, къ Митричу.

– Хватайся за куртку... я поташу...

Митричъ какъ-то странно закружился и вытянулся. До куртки, мутнымъ, б#лесоватымъ пятномъ распластавшейся на черной вод#, оставалось аршина два разстоянія... Митричъ забарахтался, стараясь подплыть, но силы покидали его: падая, онъ остриемъ лома поранилъ себ# шею. Теперь кровь обильно лилась изъ раны, окрашивая воду темнымъ багрянцемъ.

– Родненькій... голубчикъ... – прошепталъ Митричъ, узнавая Мотьку:– прости, Христа ради!..

– Держись, хватайся!.. Ну, хватайся же!..

Мотька выдернулъ изъ воды куртку и опять плюхнулъ ее на воду. Теперь она была отъ утопавшаго всего на аршинъ. Митричъ протянулъ къ ней руки, но водой ее относило въ сторону. Тогда Мотька сталъ на кол#ни, отвелъ л#вую руку назадъ и, машинально ища пальцами, за что бы ухватиться, вс#мъ корпусомъ перегнулся къ Митричу и въ третій разъ бросилъ ему куртку. Отъ сильныхъ движеній Мотьки ледъ подъ нимъ поддался и затрещалъ, и на него хлынула вода...

Мотька вскочилъ и сд#лалъ шагъ назадъ. Но въ эту минуту желтое пятно на вод# судорожно сверкнуло и погрузилось... И Мотька весь затрепеталъ. Онъ высоко поднялъ об# руки и съ размаху бросился въ воду.

Кр#пко и со злобной радостью охватила вода его тощее, хилое т#ло, съ силой ударила по худому лицу. Мотька отв#тилъ ударами, – яростными, дикими. Онъ билъ воду руками, ногами, дробилъ плававшія по ней с#рыя льдины и р#залъ ее своею узкою грудью. Онъ

плавать теперь так же плохо и неумно, как и в дтств#, когда приб#галь на эту же р#чку купаться и когда "м#силь булки". Но физическая усталость д#лала теперь его работу еще бол#е трудной... Онъ билъ воду руками, растрчивая безъ надобности незначительные остатки своихъ небольшихъ силъ, и д#лалъ какіе-то сложные, удлинявшіе путь зигзаги. Вскор# онъ все же добрался до широкаго, черно-багроваго пятна, среди котораго тусклымъ кругомъ св#гл#ла вновь вынырнувшая голова Митрича.

– Не бойся!.. Не бойся!.. Не утонешь...

Мотька протянулъ впередъ л#вую руку, схватился за синій платокъ, которымъ былъ опоясанъ Митричь, и, д#йствуя одной правой рукой и ногами, поплылъ. Багровое пятно около головы Митрича разорвалось и вытянулось въ узкую полосу.

– Доплывемъ... Не бойся!..

Оба подвинулись шага на два. Но синій платокъ на Митрич# вдругъ развязался, тихо скользнулъ, и Митричь, отъ потери крови впавшій въ обморочное состояніе, сталъ быстро погружаться. Мотька усп#лъ, однако же, схватить его за фуфайку, и отчаянное барахтанье началось снова...

Брызги подымались б#лой тучей, падали на Мотьку, на его лицо, осл#пляли его, кололи, жгли. Снизу била въ лицо черная вода, и она вливалась въ ротъ, и Мотька захлебывался и давился. Намокшая одежда обл#пляла т#ло, увеличивала его тяжесть и затрудняла движенія. Грузное т#ло Митрича, безмолвное и окамен#вшее, тянуло назадъ, внизъ... Мотька ц#пко, тонкими пальцами держалъ полу его фуфайки и плыль. Но плыль онъ не въ одномъ какомъ-нибудь опред#ленномъ направленіи – къ краю проруби, къ сплошной масс# кр#пкаго и прочнаго льда, – а кружился и барахтался, какъ попало, и почти не двигался съ м#ста. Силы его падали. Правое плечо стало ломить и жечь, какъ если бы его насквозь проткнули раскаленнымъ жел#зомъ. Мотька д#йствовалъ теперь почти одн#ми только ногами. Но и ноги ослаб#ли, и ихъ стала сводить судорога. Онъ не могъ уже бороться, замеръ – и погрузился... Новый посл#дній запасъ силы пролился, однако, въ его мышцы – и онъ выплыль, извлекая на поверхность и Митрича. Большая трехугольная льдина тихо качалась передъ его лицомъ. Онъ ухватился за ея край и навалился на нее грудью. Н#сколько мгновений льдина поддерживала его. Но потомъ стала медленно пригибаться и вдавливаться въ воду. Грудь Мотьки соскользнула, и льдина, освобожденная, отошла въ сторону, приняла опять горизонтальное положеніе и спокойно остановилась. Мотька потянулся къ ней, опять сталъ бить ногами, но въ л#вомъ кол#н# проб#жала вдругъ невыносимо-острая боль, – точно сразу выдернули изъ него вс# кости – и нога осталась скрюченной. Глаза Мотьки уже ничего не различали, вода свободно входила къ нему въ ноздри и въ ротъ. Митричь, какъ гранитная глыба, тянулъ внизъ. И оба они опять погрузились...

Вверху по-прежнему грозно рокотала черно-багровая вода, а большая, с#рая льдина безучастно дремала въ сторон#...